

Власова Ульяна Александровна,
ассистент кафедры трудового и предпринимательского права,
Белгородский государственный исследовательский институт
НИУ «БелГУ», г. Белгород

Рассолова Анастасия Юрьевна, студентка,
Белгородский государственный исследовательский институт
НИУ «БелГУ», г. Белгород

ПРОБЛЕМА ПРИВЛЕЧЕНИЯ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РАМКАХ ДЕЛ О БАНКРОТСТВЕ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: в статье рассматривается проблема привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц в рамках дел о несостоятельности (банкротстве) в арбитражном процессе. Анализируются правовая природа и нормативное регулирование данного института, включая Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», положения Гражданского кодекса РФ и Арбитражного процессуального кодекса РФ. Особое внимание уделено судебной практике, включая постановления высших судебных инстанций, а также проблемам доказывания, презумпциям и правовой неопределенности в квалификации контролирующих лиц. Отдельно исследуются случаи злоупотребления правом и привлечения номинальных директоров. На основе выявленных проблем предложены направления совершенствования законодательства и практики его применения. Работа основана на анализе актуальных нормативных источников, судебных актов и статистических данных по делам о банкротстве.

Ключевые слова: банкротство, субсидиарная ответственность, контролирующее лицо, арбитражный процесс, номинальный директор, презумпция вины, Закон о банкротстве, судебная практика, корпоративное право, доказывание.

В условиях современной экономической нестабильности в России случаи банкротства юридических лиц становятся всё более распространёнными. При этом нередко банкротство используется не как вынужденная мера, а как инструмент ухода от обязательств перед кредиторами, что приводит к злоупотреблению правом. В этой связи особое значение приобретает институт субсидиарной ответственности, призванный обеспечить справедливость и предотвратить безнаказанное выведение активов и уклонение от обязательств.

Субсидиарная ответственность позволяет переложить бремя исполнения обязательств на контролирующих должника лиц (КДЛ), которые своими действиями или бездействием довели предприятие до финансовой несостоятельности. Это особенно актуально при фиктивных и преднамеренных банкротствах, когда формальное лицо-должник не имеет возможности расплатиться по долгам, но при этом есть реальные лица, управлявшие его деятельностью и получавшие экономическую выгоду.

Согласно данным ФНС России, только за 2023 год в рамках дел о банкротстве было подано более 18 тысяч заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности, а объем заявленных требований составил порядка 1,2 трлн рублей. Это подтверждает масштаб проблемы и важность её всестороннего анализа. Сложившаяся правоприменительная практика показывает, что институт субсидиарной ответственности стал одним из ключевых механизмов в борьбе с экономическими злоупотреблениями, однако он по-прежнему вызывает множество вопросов в доктрине и практике.

Цель настоящей работы заключается в комплексном анализе проблемы привлечения к субсидиарной ответственности в рамках дел о банкротстве в арбитражном процессе, выявлении пробелов в правовом регулировании и практике, а также в формулировании предложений по совершенствованию действующего законодательства.

Правовое регулирование субсидиарной ответственности в делах о банкротстве основывается на нескольких ключевых актах. Центральным является Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», который в главе III.2 регулирует основания, порядок и последствия привлечения контролирующих должника лиц к ответственности [1]. Нормы Гражданского кодекса Российской Федерации, в частности статьи 399 и 53.1, закладывают общие положения о субсидиарной ответственности, ее пределах и условиях. Арбитражный процессуальный кодекс РФ содержит процессуальные нормы, касающиеся рассмотрения заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности, включая вопросы доказательств, сроков подачи заявлений и рассмотрения дел [2].

Значительное влияние на формирование судебной практики оказали постановления Пленума Верховного Суда РФ, особенно Постановление № 53 от 21.12.2017, которое систематизировало подходы судов и уточнило критерии привлечения к ответственности. Законодательные изменения 2017 года стали ключевым этапом развития института, установив презумпции вины КДЛ и расширив возможности для кредиторов и арбитражных управляющих [3].

Субсидиарная ответственность представляет собой особый вид обязательства, при котором дополнительный должник (субсидиарный) привлекается к исполнению обязательств основного должника при его неспособности удовлетворить требования кредиторов. Этот механизм обеспечивает защиту интересов кредиторов, позволяя возложить финансовое бремя на лиц, фактически контролировавших деятельность организации и повлиявших на её финансовое положение.

По своей сути субсидиарная ответственность выполняет компенсаторную функцию – она восстанавливает нарушенное имущественное положение кредитора за счёт лиц, виновных в банкротстве должника. Также она служит превентивной мерой: потенциальная угроза личной имущественной ответственности стимулирует руководителей и собственников к добросовестному управлению.

Субсидиарная ответственность принципиально отличается от солидарной, уголовной и административной. При солидарной ответственности все должники несут обязательства в равной мере и независимо от степени их участия в нарушении. В случае субсидиарной – обязанность наступает только при невозможности основного исполнения и при наличии вины.

Уголовная и административная ответственность носят карательный характер и применяются за совершение правонарушений, тогда как субсидиарная является гражданско-правовой и направлена исключительно на восстановление имущественного положения пострадавшей стороны. Таким образом, она опирается на презумпцию причинной связи между действиями контролирующего лица и возникновением невозможности исполнения обязательств должником.

Юридическая конструкция субсидиарной ответственности основана на дополнительной – субсидиарный должник не обязан исполнять обязательства сразу, а только в случае, если основной должник оказался финансово несостоятельным. Это отражено в статье 399 Гражданского кодекса РФ [2]. В рамках банкротства такая дополнительная обязанность формируется через специальную процедуру признания лица контролирующим, установление вины и размера ущерба.

При этом ответственность носит индивидуальный характер: суд исследует конкретные действия лица, а также устанавливает их влияние на финансовое положение должника. Это обеспечивает баланс между защитой интересов кредиторов и недопущением необоснованного вмешательства в имущественную сферу добросовестных участников экономического оборота.

Фундаментальным источником регулирования выступает Закон о банкротстве № 127-ФЗ, в редакции от 2017 года, когда в него были внесены масштабные изменения, касающиеся субсидиарной ответственности. Глава III.2 охватывает ключевые положения: определение контролирующих лиц, основания и порядок привлечения, особенности доказывания и взаимодействие с конкурсным производством [1]. Статья 61.11 указывает, что к субсидиарной ответственности могут быть привлечены лица, способные давать должнику обязательные указания либо имеющие возможность иным образом определять его действия. Это позволяет применять ответственность не только к официальным директорам, но и к теневым бенефициарам.

Гражданский кодекс РФ закрепляет общие начала субсидиарной ответственности в статье 399, устанавливая, что она применяется при отказе или невозможности исполнения основным должником. Также статья 53.1 ГК РФ указывает, что лицо, действующее от имени юридического лица и нарушившее его интересы, может нести личную имущественную ответственность [2].

Арбитражный процессуальный кодекс РФ (АПК РФ) регулирует процессуальные аспекты: сроки обращения, допустимость доказательств, возможность участия арбитражного управляющего и кредиторов в иницировании процедуры. Особое внимание уделяется обеспечительным мерам – суд может арестовать имущество предполагаемого КДЛ ещё до вынесения решения.

Реформа 2017 года стала поворотной точкой в развитии института субсидиарной ответственности. До неё процедура носила расплывчатый и неустойчивый характер, а судебная практика была противоречивой. С введением презумпций вины и факта контроля значительно упростился процесс доказывания. Например, если лицо являлось руководителем за три года до банкротства, презюмируется его участие в управлении. Это привело к значительному увеличению количества удовлетворённых заявлений.

Также было установлено, что субсидиарная ответственность может быть заявлена и после завершения конкурсного производства – в течение трёх лет с момента, когда кредиторы узнали о фактах, указывающих на вину КДЛ. Это расширило возможности защиты интересов кредиторов и минимизировало риск ухода от ответственности.

Вместе с тем практика применения новых норм выявила ряд противоречий и неопределённостей, что послужило основанием для последующих разъяснений Верховного Суда и продолжения обсуждения законодательных доработок.

Система нормативного регулирования института субсидиарной ответственности в делах о банкротстве в России представляет собой комплекс норм материального и процессуального характера. Законодательство закрепляет как основания для привлечения контролирующих лиц к ответственности, так и механизмы реализации этих норм в арбитражной практике.

Федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» является ключевым правовым актом, определяющим рамки применения субсидиарной ответственности в рамках процедуры банкротства. Особую значимость имеет глава III.2, в которой систематизировано регулирование порядка привлечения контролирующих должника лиц. В ней зафиксированы как критерии признания лица контролирующим, так и

процессуальные особенности привлечения, включая сроки и порядок подачи соответствующих заявлений. Одной из важнейших новелл закона стало то, что субсидиарная ответственность может быть возложена даже после завершения конкурсного производства, при наличии вновь открывшихся обстоятельств [1].

Гражданский кодекс Российской Федерации выступает в роли системообразующего правового акта в части общей конструкции субсидиарной ответственности. Статья 399 закрепляет принцип дополнительности исполнения обязательства: субсидиарный должник привлекается только при невозможности исполнения основным. Статья 53.1 ГК РФ дополнительно уточняет, что лица, которые фактически управляли юридическим лицом и причинили вред его действиями, могут быть привлечены к личной имущественной ответственности. Эти положения находят отражение и развитие в специальных нормах законодательства о банкротстве [1].

Арбитражный процессуальный кодекс РФ обеспечивает процессуальную основу для реализации механизма привлечения к ответственности. Он регламентирует порядок подачи заявлений, особенности рассмотрения дел о банкротстве, доказательственные стандарты и процессуальные сроки. В частности, заявитель (арбитражный управляющий, кредитор или иное заинтересованное лицо) обязан обосновать свои требования, представить доказательства вины контролирующего лица, а также доказать причинно-следственную связь между действиями КДЛ и наступившим банкротством.

Особое значение в развитии законодательства о субсидиарной ответственности имеет реформа 2017 года. Тогда в закон о банкротстве были внесены масштабные изменения, направленные на конкретизацию критериев вины и усиление ответственности недобросовестных лиц. Среди ключевых изменений – введение презумпций контроля, допустимость привлечения «теневых» управляющих, возможность ареста имущества КДЛ на раннем этапе. Одним из наиболее обсуждаемых положений стало право заявить требование о привлечении к ответственности в течение трёх лет после завершения конкурсного производства, если соответствующие факты были установлены позднее. Это правило позволило устранить ранее существовавшую «лазейку» для уклонения от ответственности. В результате применения новых норм количество дел, в которых удовлетворяются требования кредиторов к КДЛ, выросло почти вдвое по сравнению с периодом до реформы.

Одним из центральных элементов института субсидиарной ответственности выступает понятие контролирующего должника лица. В соответствии с законодательством, таковыми признаются лица, которые имели фактическую возможность определять действия должника – как напрямую, так и косвенно. Это может быть реализовано через право давать обязательные указания, владение контрольным пакетом акций, участие в органах управления, либо через заключение договоров, создающих зависимость. При этом необязательно наличие формальных оснований – важен реальный характер контроля.

К категории контролирующих могут быть отнесены учредители, генеральные директора, главные бухгалтера, участники совета директоров, а также бенефициарные владельцы. Суд может признать КДЛ и лицо, не имеющее официального статуса, если доказана его фактическая управленческая роль.

Основаниями для привлечения являются конкретные действия или бездействие контролирующего лица, повлекшие невозможность исполнения обязательств перед кредиторами. К числу недобросовестных действий относятся умышленное доведение до банкротства,

необоснованное заключение убыточных сделок, выведение активов, манипуляции с бухгалтерской отчётностью, сокрытие документов и активов, создание фиктивной задолженности, отказ от взыскания дебиторской задолженности.

Наиболее распространённым основанием является именно умышленное доведение до банкротства. Оно выражается в систематических действиях, направленных на подрыв финансовой устойчивости организации. Как правило, такие действия сопровождаются сокрытием активов, переводом их на аффилированные структуры и формированием искусственной задолженности.

Фальсификация отчетности, уклонение от предоставления документов арбитражному управляющему и иные формы скрытого управления также рассматриваются как основание для субсидиарной ответственности. Часто доказательствами выступают переписка по электронной почте, протоколы совещаний, договоры, заключенные на невыгодных условиях, а также показания свидетелей.

Судебная практика после реформы 2017 года исходит из презумпции вины контролирующего лица, если оно занимало соответствующую должность в течение трёх лет до подачи заявления о признании банкротом. В этом случае именно КДЛ должен доказать свою добросовестность и разумность действий. Кроме того, действует презумпция причинно-следственной связи, если в результате действий КДЛ произошло ухудшение финансового состояния должника. Это существенно сместило баланс в пользу кредиторов и повысило их возможности по защите своих прав.

Значительное влияние на формирование правоприменительной практики оказало Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 53 от 21 декабря 2017 года. В данном документе были даны детальные разъяснения по применению главы III.2 закона о банкротстве. В частности, Пленум определил понятие контролирующего лица, установил признаки недобросовестных действий и уточнил процессуальные аспекты доказывания. Было закреплено, что даже если лицо формально не занимало должности, но оказывало определяющее влияние на деятельность должника, оно может быть признано КДЛ [3].

Судебная практика на основе этих разъяснений демонстрирует широкий подход к оценке действий директоров, учредителей и иных заинтересованных лиц. Например, если директор подписывал договоры, заведомо невыгодные для организации, или не препятствовал выводу активов, это квалифицируется как участие в доведении до банкротства. В ряде дел бенефициары, управлявшие компанией через номинальных директоров, также привлекались к ответственности на основании анализа цепочек операций и управленческих решений.

Тем не менее, практика сталкивается с рядом проблем. Одной из них является сложность доказывания фактического контроля. Особенно это затруднительно в случаях, когда реальные управленцы действуют через номиналов или используют устные распоряжения. В таких ситуациях арбитражные суды требуют убедительного набора косвенных доказательств – от переписки до аудиторских заключений.

Ещё одной проблемой является вопрос сроков давности. Хотя установлен трёхлетний срок с момента выявления фактов вины КДЛ, зачастую кредиторы не могут получить необходимые доказательства вовремя, особенно если происходит сокрытие информации. Это порождает конфликты по вопросу исчисления сроков и приводит к неоднозначным судебным актам.

Также вызывает беспокойство тенденция к автоматизму привлечения – когда суды применяют презумпции без достаточного анализа обстоятельств конкретного дела. Это, в свою

очередь, может нарушать принцип индивидуальной ответственности, при котором каждый должен отвечать исключительно за свои действия, а не за общий результат.

Несмотря на эти сложности, статистика демонстрирует устойчивый рост количества решений в пользу кредиторов. По данным арбитражных судов, в 2023 году положительно были разрешены около 62% заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности, при этом средний размер взыскиваемой суммы составил порядка 38 миллионов рублей на одно дело.

Одной из наиболее острых проблем в применении норм о субсидиарной ответственности является размытость критериев признания лица контролирующим должника. Закон формулирует это понятие через возможность оказывать определяющее влияние на деятельность компании, но не устанавливает исчерпывающий перечень таких признаков. На практике это приводит к тому, что суды по-разному интерпретируют одни и те же факты, а участники оборота не могут предсказать последствия своих действий. Порой к КДЛ причисляются даже те лица, которые формально не имели отношения к управлению, но лишь косвенно участвовали в экономических операциях.

Дополнительную неопределенность создает презумпция вины контролирующего лица, действующая в отношении тех, кто занимал управленческие должности за три года до банкротства. С одной стороны, это облегчает задачу кредиторов и управляющих, освобождая их от необходимости доказывать сам факт участия лица в управлении. С другой – нарушается принцип индивидуализации ответственности. Невиновное лицо, не совершавшее вредоносных действий, вынуждено опровергать свою вину, что противоречит традиционной логике гражданского процесса. Подобный подход особенно опасен в условиях, когда доказательства могут быть утрачены, а бремя доказывания в полной мере перекладывается на ответчика.

Отдельного внимания заслуживает проблема злоупотребления правом при привлечении к ответственности номинальных директоров. В последние годы участились случаи, когда к субсидиарной ответственности привлекаются лица, которые формально значились в реестрах руководителями, но в действительности не осуществляли управление. Такие директора – зачастую это пожилые люди, студенты или даже безработные – использовались реальными бенефициарами для создания иллюзии законности. Несмотря на отсутствие реального участия в принятии решений, эти номиналы в ряде случаев становятся единственными, с кого взыскиваются многомиллионные долги. Подобная практика нарушает принципы справедливости и пропорциональности, поскольку реальных виновных лиц часто не удается установить или доказать их участие.

К числу серьезных затруднений можно отнести и недостатки судебной экспертизы, применяемой для оценки степени влияния действий КДЛ на наступление банкротства. Экспертные заключения нередко основываются на формальных признаках, не учитывают экономический контекст и не дают ясного ответа на ключевой вопрос: была ли причинно-следственная связь между действиями лица и наступившей несостоятельностью. Также существует проблема конфликта интересов – некоторые эксперты связаны с участниками процесса, что снижает объективность. Кроме того, в ряде регионов остро ощущается нехватка квалифицированных экспертов по финансово-экономическим вопросам.

Совершенствование действующего механизма привлечения к субсидиарной ответственности требует системного подхода и комплексных решений. В первую очередь необходимо внести изменения в законодательство, направленные на уточнение критериев КДЛ и

разграничение понятий формального и фактического контроля. Следует отказаться от автоматического распространения презумпций на всех номинальных руководителей, сосредоточив внимание на фактической роли лица в принятии ключевых решений.

Важным шагом может стать усиление защиты добросовестных участников оборота, в том числе директоров, действовавших в условиях экономической нестабильности и без умысла причинить вред. Предлагается закрепить в законе перечень обстоятельств, свидетельствующих о разумности и добросовестности действий руководителя, таких как наличие антикризисных мер, привлечение внешних консультантов, уведомление учредителей и кредиторов о сложной финансовой ситуации. Это позволит снизить риск необоснованного привлечения к ответственности в ситуациях, где банкротство произошло не по вине КДЛ, а вследствие внешнеэкономических факторов.

Необходима и повышенная квалификация арбитражных судей и управляющих, особенно в части финансового анализа, оценки управленческих решений и трактовки корпоративных структур. Проведение регулярных обучающих программ, обмен практикой между регионами и внедрение единых методических подходов к квалификации КДЛ повысят качество правоприменения и уменьшат уровень противоречивых решений.

Также целесообразно разработать стандарты анализа поведения контролирующих лиц. Такие стандарты должны включать чек-листы, методики оценки деловой практики, критерии допустимых управленческих рисков. Например, можно ввести шкалу оценки степени влияния лица на финансовую политику предприятия, аналогичную аудиторским или налоговым системам оценки рисков. Это позволит суду опираться не только на интуитивную оценку, но и на объективизированные параметры.

Проблема привлечения к субсидиарной ответственности в делах о банкротстве находится на пересечении интересов кредиторов, участников корпоративного управления и судебной системы. С одной стороны, этот институт выполняет важную компенсаторную и превентивную функции, препятствуя злоупотреблениям и обеспечивая возврат долгов. С другой – его чрезмерное и непропорциональное применение может нанести ущерб добросовестным лицам и создать правовую неопределенность.

Ключевыми проблемами остаются неопределенность критериев КДЛ, автоматизм применения презумпций вины, уязвимость номинальных руководителей и трудности доказательственного процесса. Несмотря на позитивные изменения, введенные в 2017 году, практика все еще сталкивается с коллизиями и рисками нарушения фундаментальных прав участников оборота.

Перспективы развития института субсидиарной ответственности напрямую связаны с балансировкой интересов. Для этого необходимо улучшать законодательную базу, создавать ясные и понятные правила игры, усиливать профессиональный уровень судейского и экспертного корпуса, а также защищать добросовестных предпринимателей.

Эффективный механизм субсидиарной ответственности способен стать важным фактором оздоровления делового климата. Он повышает дисциплину корпоративного управления, укрепляет доверие кредиторов и стимулирует устойчивое развитие бизнеса. В условиях растущей экономической турбулентности справедливость и правовая определенность в этой сфере становятся критически важными для функционирования всей системы гражданского оборота в России.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 №127-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // «КонсультантПлюс: сайт: некоммерч. интернет-версия. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/?ysclid=m906d28hv1305544232 (дата обращения: 28.03.25)
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // «КонсультантПлюс: сайт: некоммерч. интернет-версия. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 28.03.25)
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 года №53 „О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве // «КонсультантПлюс: сайт: некоммерч. интернет-версия. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286130/?ysclid=m906htdqut473330599 (дата обращения: 28.03.25)

